

К каменной подушке

Хотел бы рассказать вам об одной женщине, но при этом *совсем* ничего о ней не знаю: ни как ее зовут, ни как она выглядит. Хоть убейте, не вспомню. Наверняка она — тоже.

Мне, второкурснику, тогда еще не исполнилось и двадцати. Она выглядела лет на двадцать пять. Мы подрабатывали какое-то время в одном ресторане, случайно провели вместе одну-единственную ночь и с тех пор не виделись.

В свои девятнадцать я толком не разбирался в собственных чувствах и, само собой, понятия не имел, что может твориться на сердце у других. Но тем не менее считал, будто догадываюсь, отчего мы радуемся или грустим. Вот только клубок таких чувств пока распутать не мог, а это часто не давало мне покоя и лишний раз напоминало о моей собственной беспомощности...

Но я все равно хочу о ней рассказать.

Я знал, что она серьезно увлекается поэзией танка и даже выпустила сборник стихов. Звучит

солидно — «сборник», да только его страницы в простенькой обложке сшиты были чуть ли не бечевкой от воздушного змея. Даже не самиздат — самоделка. Но отдельные строки запали мне в душу. Стихи почти все — о любви между мужчиной и женщиной, а еще о смерти. Как бы в знак того, что любовь и смерть неразделимы.

Неужели мы
С тобою так далеки,
Что до тебя мне
Добираться транзитом
Только через Юпитер?

Приложив ухо
К каменной подушке, я
Хорошо слышу
Тишину — так совсем не
Шумит бегущая кровь

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против? — спросила она. Мы голышом лежали под одеялом.

— Наверное, нет, — ответил я, хоть и не был уверен. Зачем мне возражать по такому пустяку, это же просто имя. Что с того?

— Может, я буду орать во всю глотку.

— А вот этого не стоит, — поспешно ответил я. Стены в деревянном доме, где я снимал квартиру, были тонкими и хрупкими — чем-то похожи на вафли, которые я любил в детстве. Час стоял поздний, закричи она громко — услышат все мои соседи.

— Ладно, тогда я зажму в зубах полотенце, — сказала она.

Я принес из закутка умывальника полотенце поновей и попрличней и положил рядом с подушкой.

— Такое годится?

Точно лошадь, примеряющая новое грызло, она попробовала несколько раз прикусить полотенце. И кивнула: сойдет.

Я особо ее не хотел да и ей вряд ли был нужен. Так, случайная связь. Пару недель мы поработали в одном заведении, но поболтать с ней толком никак не удавалось — разве что мимоходом. Той зимой я мыл посуду и помогал на кухне в итальянском ресторане на Ёцуя, недалеко от университета. А она была официанткой. Почти все, кто там подрабатывал, были студентами, а она нет. Возможно, поэтому, как мне казалось, и держалась наособицу.

В середине декабря она увольнялась, и однажды после работы несколько человек из наших отправились в *идзакаю* по соседству¹. Меня тоже позвали. Вряд ли затевалась прощальная вечеринка: примерно час мы просто пили пиво, слегка закусывали и дружески болтали. Тогда я и узнал, что до ресторана ей пришлось порабо-

¹ И д з а к а я — тип японского неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня. Функционально они схожи с ирландскими пабами. — *Здесь и далее прим. переводчика, кроме оговоренных особо.*

тать в небольшой конторе по найму жилья, потом в книжном магазине. Она призналась, что нигде не сходилась характерами с начальством. В ресторане обошлось без размолвок, но тут слишком мало платят, вот и приходится подыскивать новое место.

— Чем собираешься заняться? — поинтересовался кто-то.

— Без разницы, — ответила она, почесывая возле носа. (Там, будто созвездие, ютились две маленькие родинки.) — Все равно вряд ли подвернется что-нибудь приличное.

Я тогда снимал квартиру в районе Асагая, она — в Коганэи¹, поэтому с Ёцуи нам было по пути. В вагоне мы сидели рядышком. Двенадцатый час, ночи уже холодные — порывами дул осенний ветер. Оглянуться не успели, а уже пора носить перчатки и шарфы.

Электричка подъезжала к Асагае. Встав, я собрался выходить, но тут она посмотрела на меня снизу вверх и тихо спросила:

— Можно к тебе?

— Ладно. А что так?

— До Коганэи далеко.

— У меня тесно. И беспорядок, — предупредил я на всякий случай.

— Не имеет значения, — ответила она и вцепилась в рукав моего пальто.

¹ По расстоянию Коганэи примерно вдвое дальше от Ёцуи, чем Асагая.

Вот так и оказалась она в моей тесной неказистой квартире. Сперва мы неспешно пили пиво из банок. Когда пиво закончилось, она, нисколько не стыдясь, шустро разделась прямо у меня на глазах и нырнула в постель. Тогда я тоже разделся и забрался под одеяло. Свет погасил, однако от пламени газовой печки в комнате было светло. Под одеялом мы неуклюже пытались согреть друг дружку. Сперва лежали молча: о чем говорить, вдруг оказавшись голышом, если честно, я понятия не имел. Постепенно одеревенелые тела наши согревались, и мы начали ощущать друг дружку буквально всей кожей. Интимнее не бывает.

Тут-то она и сказала:

— Знаешь, кончая, я могу кричать имя другого человека. Ты не против?

Я принес полотенце.

— Он тебе нравится?

— Да. Очень, — ответила она. — Нравится сильно-сильно, только о нем и думаю. А вот я ему — ничуть. К тому же у него есть подруга.

— Но вы встречаетесь?

— Ага. Только он зовет меня, когда хочет мое тело, — сказала она. — Словно еду заказывает по телефону.

Я не знал, что ответить, и потому молчал. Она водила пальцем по моей спине, будто рисовала. Или же просто упражнялась в скорописи иероглифов.

— Он говорит, что я *дурнушка*, но тело у меня — высший класс.

Мне она *дурнушкой* совсем не показалась, хотя назвать ее красавицей тоже было нельзя. Правда, сейчас это лицо я совсем не вспомню и описать уже не смогу.

— Но, если зовет, идешь?

— Еще бы — он же мне нравится. Что мне остается? — произнесла она так, будто это в порядке вещей. — Что ни говори, а иногда хочется мужской ласки.

Я задумался над ее словами. «Иногда хочется мужской ласки». Что при этом должна чувствовать женщина? В том возрасте мне такое и на ум не приходило (но, если вдуматься, и теперь я это вряд ли понимаю).

— Полюбить человека — знаешь, это вроде как получить душевное расстройство, которое не покрывается медицинской страховкой, — спокойно произнесла она — как по писанному.

В ответ я лишь хмыкнул.

— Ты тоже можешь смело думать не обо мне, а о ком-нибудь другом, — предложила она. — У тебя же есть любимая девчонка?

— Есть, — ответил я.

— Вот и хорошо. Будешь кончать — кричи ее имя сколько влезет. Мне все равно.

У меня в те годы была подруга, с которой по разным причинам мы никак не могли сделаться ближе, но имя ее кричать я все же не стал. Уже

собрался было, но счел, что это глупо, и кончил молча. А вот она и впрямь открыла рот, чтобы закричать, поэтому пришлось быстро сунуть ей в рот полотенце. Ну и крепкие же у нее были зубы... Любому стоматологу на радость. Даже не помню, что за имя она тогда попыталась назвать, — какое-то заурядное, таких полно. Но помню, что меня восхитило, как много значит для женщины даже такое невидное имя. Порой сердце человеческое трепещет от самых обыкновенных имен.

С утра по университетскому расписанию у меня значилась лекция, потом мне предстояло сдать вместо зачета важный реферат, но, разумеется, все пошло насмарку (и аукнулось мне позже, но это уже другая история). Насилу проснувшись около полудня, мы вскипятили чайник, намешали себе растворимого кофе и поджарили на завтрак тосты. В холодильнике оставалось несколько яиц, их мы тоже сварили и съели. На прозрачном небе — ни облачка, ослепительный утренний свет... И жуткая вялость.

Жуя тост с маслом, она поинтересовалась, на каком факультете я учусь. Я ответил, что на филологическом.

— Хочешь стать писателем? — спросила она.

Я честно признался, что не собираюсь. В те годы я об этом даже не помышлял (хотя у меня в группе чуть ли не каждый открыто заявлял, что непременно писателем станет). Услышав такой

ответ, она, похоже, утратила ко мне всякий интерес. Не то чтоб он у нее ко мне был, но всё же.

Как-то странно было видеть при ярком свете полотенце с четкими следами зубов. Она, похоже, впивалась в него рьяно. Днем даже трудно вообразить, что маленькая худенькая женщина с землистым лицом способна на *такое*: при лунном свете, в моих объятиях кричать так страстно.

— А я сочиняю танка, — вдруг ни с того ни с сего произнесла она.

— Танка?

— Знаешь, что это?

— Конечно.

Я мало что смыслил тогда в жизни, но что такое танка, разумеется, знал.

— Хотя, если хорошенько подумать, человека, сочиняющего танка, вижу впервые.

Она радостно рассмеялась.

— Как видишь, и такие существуют.

— Ты в каком-нибудь литературном кружке?

— А при чем тут? — ответила она, слегка пожав плечами. — Танка можно и просто так сочинять, разве нет? Это ж не баскетбол.

— О чем пишешь?

— Хочешь послушать?

Я кивнул.

— Серьезно? Или ты это так, разговор поддерживать?

— Серьезно, — ответил я, не кривя душой. Мне действительно захотелось узнать, о чем пишет стихи женщина, которая накануне, тяжело

дыша в моих объятиях, выкрикивала имя другого мужчины.

Она замялась.

— Прямо сейчас я не могу, как-то неловко. К тому же утро. Но у меня вышло что-то вроде сборника. Если тебе правда интересно, могу прислать. Только запиши мне имя и адрес.

Я написал их на листке из блокнота и отдал ей. Она прочла, свернула бумажку вчетверо и сунула в карман пальто — изрядно поношенного, светло-зеленого. Рядом с круглым воротником на нем была приколата серебристая брошь — ландыш. Помню, как ослепительно сверкала она в лучах солнца, лившихся в мое южное окно. Я совсем не разбираюсь в цветах, но почему-то именно ландыши нравятся мне с детства.

— Спасибо за приют. Мне правда не хотелось одной возвращаться в Коганэи. Серьезно, — сказала она, уже выходя из квартиры. — У девчонок иногда такое бывает.

Мы оба прекрасно понимали, что вряд ли увидимся вновь. Просто в ту ночь она не хотела возвращаться одна в Коганэи, только и всего.

Через неделю по почте пришел сборник стихов. Если честно, я и не надеялся его получить. Мне казалось, что женщина та, расставшись со мной, забудет, даже как меня зовут, пока доедет до Коганэи (или хотя бы постарается сделать это как можно скорее). А уж тем более вряд ли станет тратить на меня время: класть сборник

в конверт, писать на нем адрес и имя, — и деньги на марку, опускать в почтовый ящик, а то и на почту идти. Поэтому, обнаружив как-то утром в ящике конверт, я очень удивился.

Назывался сборник «К каменной подушке», имя автора — просто «Тихо». И не поймешь, настоящее это имя или псевдоним. На работе мне приходилось несколько раз слышать, как обращались к той женщине, но вспомнить имя теперь я не мог. Хотя был уверен в одном: звали ее не Тихо. На простом канцелярском конверте светло-коричневого цвета имя и адрес отправителя не значились, внутри — ни письма, ни открытки: лишь тоненький сборник стихов, сшитый чем-то похожим на бечевку от воздушного змея. Но отпечатано не на мимеографе, а красивым типографским шрифтом. Бумага — плотная, качественная. Возможно, она сама укладывала по порядку страницы, вставляла их в картонную обложку и старательно сшивала каждый экземпляр бечевкой, чтобы сэкономить на типографском переплете. Я попробовал представить, как она все это кропотливо делает, но ничего у меня толком не вышло. На первой странице значился номер «28», оттиснутый нумератором: наверняка это 28-й экземпляр коллекционного издания. Интересно, какой вообще был тираж? Цена нигде не указывалась — может, ее и вообще не было.

Я не стал тотчас открывать этот сборник, а положил на стол и время от времени поглядыва-

вал на обложку. Вовсе не оттого, что мне было неинтересно, просто я понимал: нужно себя настроить, чтобы прочесть чей-то сборник стихов, — тем более, если этот кто-то всего неделю назад лежал в твоих объятиях. Хотя бы из вежливости. Сборник в руки я взял и открыл первую страницу только под конец недели. Прислонившись к стене у окна, в свете зимнего вечера я прочел те стихи. Там их было 42, по одному на каждую страницу сборника. Это немного. Ни предисловия, ни послесловия не было. Даже не стояла дата публикации. Просто на белых страницах с широкими полями — строчки, напечатанные прямым черным шрифтом.

Конечно, шедевров там я не ждал. Говорю же, у меня был к этим стихам личный интерес. Какие танка пишет женщина, кричавшая мне в ухо чье-то имя? Однако, просматривая сборник, я поймал себя на том, что некоторые стихи мне нравятся по-настоящему.

О танка я почти ничего не знал (как и сейчас, в общем-то, не знаю), поэтому судить объективно, какой из стихов по канонам жанра превосходит, а какой не очень, я не могу. Но если не ставить им оценок, несколько — если быть точным, восемь — *как-то* запали мне в душу.

Вот два, например:

Нынче настало
Нынешнее «сейчас» — миг,
Который надо